

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВ

ГОСПОДЬ, МЫ ПОДНИМАЕМСЯ

ХРОНИКА
ДЕТСКОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Николай Гаврилов

Господь, мы поднимаемся

«Четыре четверти»

2016

Гаврилов Н. П.

Господь, мы поднимаемся / Н. П. Гаврилов — «Четыре четверти», 2016

ISBN 978-985-5810-09-5

Легендарному крестовому походу детей посвящены разнообразные произведения искусства. И книга современного писателя Николая Гаврилова в литературном пространстве занимает достойное место. Читателя увлекает живой стиль изложения, а также выстроенная последовательно, в хронике событий, структура произведения.

ISBN 978-985-5810-09-5

© Гаврилов Н. П., 2016
© Четыре четверти, 2016

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	11
Пророк	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Николай Гаврилов

Господь, мы поднимаемся

Хроника детского крестового похода

Допущено к распространению Издательским советом Белорусской Православной Церкви

© Гаврилов Н. П., 2016

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2016

Близ Сардинии, в Средиземном море, затерялся островок Сан Пьетро. В пустынной скалистой бухте этого островка стоит одинокая часовня.

Часовня очень древняя. В щелях между потрескавшимися камнями виден сухой плющ. Стены поросли зелёным мхом. Люди уже не помнят, кто построил её здесь, среди камней, на самой границе моря, вдали от селений и дорог. Пусто и тихо вокруг, лишь тоскливо кричат чайки, кружась над водой.

Если подойти к часовне и заглянуть вовнутрь, то в полумраке каменного свода можно разглядеть присыпанную песком белую мраморную плиту, а на плите – чуть заметный, полустёртый рисунок корабля со сломанной мачтой и странные слова на латыни: «Господь, мы поднимаемся». Точь-в-точь такой же рисунок с такими же непонятными словами, как на наскальной надписи в пещере Гроба Господня в Иерусалиме, оставленный первыми христианскими паломниками.

Больше в часовне ничего нет.

Говорят, что когда-то там ещё лежали детские игрушки: незатейливые, вырезанные вручную деревянные фигурки зверей и птиц и шитые тряпичные куклы. Их сюда приносили местные рыбаки и моряки, изредка высаживающиеся на пустынный скалистый берег.

А ещё говорят, что вблизи часовни по ночам можно услышать призрачные детские голоса: то ли детский смех, то ли плач. Голоса тихие, почти неслышимые за шумом моря, похожие на шёпот ветра.

Время стёрло из воспоминаний последующих поколений события, в память о которых здесь когда-то построили эту часовню. Ещё одним напоминанием о тех событиях служит Бесшумная улица в городке Гамельн, что в Германии. На этой улице до окончания времён запрещено шуметь и играть на музыкальных инструментах. Несколько раз в день городские часы на старинной булыжной площади начинают звенеть колокольчиками, створки часов открываются, и там появляются деревянные фигурки детей.

Заброшенная часовня на островке Сан Пьетро с таинственными словами: «Господь, мы поднимаемся», несколько древних летописей да часы Гамельна с уходящими детскими фигурками – вот и всё, что сохранилось на земле от трагических последствий одной идеи, чище, светлее и безумнее которой, по признанию летописцев, на свете ещё не было.

Память человеческая помнит только то, что ей хочется помнить. О крестовом походе детей есть подробный отчёт более чем в пятидесяти средневековых рукописях, но затем летописцы умолкают, как молчат и современные историки, словно людям до сих пор стыдно.

Предисловие

Эти необыкновенные события начались в 1212 году, ничем не примечательном с точки зрения переломных моментов истории.

Зима того года была особенно обильна снегом, все городки и селения северной Франции завалило сугробами. На крышах домов лежали тяжёлые белые шапки, блестя на зимнем солнце ледяной коркой. Дороги между городками как будто вымерли. Пусто было на дорогах. Лишь изредка покажется какая-нибудь согнутая старуха с вязанкой хвороста на спине или медленно пройдет, опираясь на посох, одинокий понурый пилигрим, возвращаясь из паломничества в Святую землю, облепленный хлопьями снега, как саваном.

Ещё тот год был богат слухами о разных чудесных явлениях. В готических соборах, визуально устремлённых в небо за счёт стрельчатой дуги, священники с амвона рассказывали прихожанам о кровоточащих иерусалимских иконах, о гипсовых статуэтках святых, которые сами по себе каждую ночь поворачивались лицом на восток, и о странном, покрытом шерстью существе с телом человека и козлиными ногами, пробежавшем в рождественскую полночь по залам замка в Руане.

Много о чём говорили. Люди передавали друг другу слухи о мёртвых птицах, лежащих стаями на заснеженных дорогах; о муке, которая, ссыпаясь с жернова на мельнице одного из крестьян, таинственным образом собралась на полу в каббалистический знак бесконечности, и о дожде из замёрзших жаб.

В те времена границ между земным и потусторонним миром почти не существовало. Люди во всем видели знаки вмешательства в их жизнь тёмных или светлых сил, и любые непонятные явления тут же трактовались как знамения о скором конце света. Ранней весной, когда глубокие снега в лесах обсели и почернели, а в оврагах зазвенели ручьи, в деревне под Амьеном какая-то незамужняя девица родила на свет младенца с седыми бровями. Тогда даже самые скептически настроенные крестьяне поверили, что именно в этом году произойдет что-то совершенно необыкновенное.

Ещё в тот год видели призраков. В селении Клуа одна из крестьянок разглядела в утреннем тумане одинокую фигуру всадника. Он беззвучно проехал по покрытой дымкой лощине, и конь под ним ступал, не касаясь земли. В руке призрак держал поднятое длинное копье, голова была низко опущена, а на рваном плаще, заляпанном грязью далёких земель, виднелся вышитый красными нитками крест. Перепуганная крестьянка крестилась и клялась, что узнала в том призраке сына старого барона Випонта, ушедшего в крестовый поход много лет назад. Он ехал домой, но никак не мог вернуться, обречённый вечно блуждать в туманах за какие-то грехи.

Произошло в том году и вполне земное, неприметное на первый взгляд событие. В богословских кругах широкое распространение получил трактат монаха Алана Лильского о причинах неудач предыдущих крестовых походов. Соглашаясь с общим мнением, что основной задачей европейцев является завоевание Земли обетованной и возвращение христианскому миру его главной святыни, – гробницы Господней в Иерусалиме, – монах в своём труде красной нитью проводил мысль, которую можно выразить в четырех словах: «Святое доступно только святым».

Алан Лильский писал, что рыцари и простой народ заостенели в своей алчности, что крестоносцы залили Святую землю кровью, и поэтому она их отвергла. Он утверждал, что путь крестоносцев изначально искажён, изгажен человеческими пороками, что войскам тщетно штурмовать стены Иерусалима, ибо к святыне могут приблизиться только чистые, безгрешные люди.

Здесь в труде Алана Лильского таился нонсенс. Католическая церковь со времён апостола Петра считала небо своим наследием, ключи от рая находились у Папы. Именно он решал,

кто грешен, а кто нет. Каждый из крестоносцев получал у него пожизненное прощение всех грехов и, следовательно, по определению уже был безгрешен, вот только небо так почему-то не считало.

– Пусто всё. И там, и тут... – приложив руку к сердцу и показав на небеса, мрачно признался один из рыцарей своему духовнику, вернувшись со священной войны. Что-то действительно было не так в самом учении церкви, что-то неправильное, искажённое, какая-то ловушка, словно человек всю жизнь шёл к Богу, а упирался в конце в зеркало со своим отражением.

Повсеместно строились храмы, возникали новые монастыри, усложнялись обряды, вера в Бога была обязательной; за неверие или отступничество карали огнём. А в храме Сен-Дени плакала кровавыми слезами на стене чудотворная икона Богородицы, как будто Мать Божия жалела, что Сын её пошёл за людей на распятие, а те так ничего и не поняли.

Надо отдать должное осторожности Алана Лильского. В своём труде он не стал развивать эту мысль, полностью переключившись на корысть и кровожадность самих крестоносцев. По утверждению богослова, если бы нашлось всего несколько святых людей, сохранивших в своих душах живой огонёк веры, не погребённой под слоем внешних обрядов, им бы удалось по их вере. Стены Иерусалима рухнули бы при их приближении, а неверные без всяких мечей сами бы встали на колени.

Но где найти таких святых, богослов Алан Лильский не сказал.

К весне 1212 года трактат Алана Лильского получил широкую известность. Его мысль о безгрешном воинстве подхватили с амвонов многие священники, к внутреннему недовольству Папы Иннокентия III, которому нужен был новый крестовый поход, а не демагогия.

Но собрать войска никак не получалось. И бароны, и простой народ выражали готовность отправиться на восток только на словах, на деле же никто больше не хотел идти умирать под небом Палестины.

В апреле во всех храмах и церквушках Франции состоялся ежегодный ход Чёрных крестов. Вечером на день святого Патрика по всей стране поминали погибших в Святой земле крестоносцев. Богослужения проходили во всех приходах одновременно. После службы из алтарей вынесли высокие деревянные кресты, обвитые чёрной материей, начиналось торжественное безмолвное шествие.

В те времена крестьянам разрешалось носить одежду только из некрашенных тканей. Но в ночь хода Чёрных крестов каждый из прихожан повязывал себе на руку или шею чёрный лоскут. Знатные вельможи полностью одевались во всё чёрное. В эпоху средневековья люди придавали большое значение символике цвета: чёрный цвет одежд означал или скорбь, или верность, или то и другое вместе, как это часто бывает в жизни. Эта ночь создавала иллюзию равенства. Бароны, спрятав лица под глубокими капюшонами, шли в одной процессии рядом со свинопасами, а знатные дамы шествовали вместе с крестьянками, ступая в свете факелов по мощённой булыжником дороге. Светились огоньками поднятые в руках свечи.

В монастыре кармелитов в Париже за плывущими над толпой крестами шли, негромко разговаривая, приор аббатства и его секретарь.

– Люди верят, что с освобождением Гроба Господня наступит век счастья и благоденствия по всем христианским странам, – вполголоса говорил секретарь главе монашеской общины.

– И я в это верю, – улыбнулся приор.

– Но как мы объясним народу неустройство мира, когда Иерусалим будет наш?

– Тогда что-нибудь и придумаем, – вновь улыбнулся приор.

В то же время за тысячу лье от Парижа, в затерянной среди полей и лесов деревеньке Клуа, в конце процессии сельской общины шел одиннадцатилетний мальчик-пастушок по имени Стефан.

Позже летописцы напишут, что ход Чёрных крестов был любимой церковной службой мальчишки, что у него на глаза накатывались слёзы, когда он думал о рыцарях, сложивших свои головы за веру в песках далекой Сирийской пустыни. Так это было или нет – нам уже не узнать.

Селение Клуа – обычная нищая деревушка с грязью на улицах, с соломенными крышами домов и старинной церквушкой, построенной в романском стиле. Мальчик Стефан до своих одиннадцати лет тоже был самым обычным крестьянским ребёнком, сельским пастушком с мечтательными светло-кариими глазами.

Рядом с ним в свете факелов шли его родители и старшие братья.

Говорят, что люди, которым суждены великие дела, видны с раннего детства. Задним умом в каждом человеке легко найти что-то особенное. Но родители Стефана ничего необычного в своём ребёнке не замечали. Они были простыми, живущими от земли, крестьянами; сухая, потрескавшаяся кожа их рук с годами приобрела земляной оттенок, и мысли их тоже были приземлёнными, ограниченными только тем, что можно потрогать.

Они не предчувствовали будущую славу, позор и бессмертие своего младшего сына.

Ещё летописцы напишут, что с ночи апрельского хода Чёрных крестов мальчика начали мучить видения.

Видения были необыкновенно яркими, они приходили откуда-то извне, словно кто-то на небе всё перепутал и посылал ему чужие сны. Ворочаясь в своём доме на соломенной подстилке, мальчишка видел необозримые пространства из красноватых скал и бескрайнего синего неба, одинокое, умирающее на солнце дерево и высохшее каменистое русло реки, где среди песка и камней под ржавыми доспехами лежали чьи-то обывзвествленные кости.

А под утро, когда Стефан засыпал, ему всегда снился один и тот же сон. Незнакомый, никогда ранее не виданный город.

* * *

Словно из солнечного марева вырастал посреди пустыни древний, как сама земля, город.

С рассвета, когда на горизонте появлялся огромный красный диск, а тьма полосой отступала по освещённым холмам к Средиземному морю, воздух над водоёмами и пыльными садами города начинал дрожать от жары. В утренней тишине над плоскими крышами домов с башен минаретов далеко разносились протяжные крики муэдзинов.

Первой яркие солнечные лучи освещали высокую Храмовую гору и наскальный купол мечети Омара на её вершине. По преданию, именно там Господь создал из праха земли первого человека. По склону горы гнездились целые кварталы домов с тесными внутренними дворами; там росли тёмные кипарисы и солнечный свет окрашивал их верхушки в красноватые тона.

Затем освещалась Масленичная гора. Там тоже слышались тоскливые призывы муэдзинов, словно они с каждым рассветом оплакивали когда-то потерянный рай. На самом верху горы, среди пыльных оливковых деревьев и желтоватого песчаника, который, казалось, за века впитал в себя цвет солнца, стояли развалины часовни Вознесения Господня, позже переделанной в мечеть. В древности там зажигали сигнальные огни, возвещающие о приходе полной луны. Поднимающийся над городом рассвет отводил ночную тень все дальше, к Кидронской долине, а затем и к горе Сион, где в вечном полумраке пещеры находилась могила царя Давида. На стене пещеры была выбита древняя звезда – два пересекающихся треугольника, один из которых означал разбросанный по всему свету еврейский народ, сходящийся в одной точке, в Боге; другой – бесконечного Бога, снисходящего к каждому из людей.

Сразу становилось жарко. Очарование предутренней тишины быстро заканчивалось, прохлада исчезала, у городских ворот становилось пыльно и шумно. На окраинах оживали

ремесленные мастерские и мастерские по дублению кож, а с рынков доносился запах гниющих на жаре фруктов и рыбы.

В этом городе, как ни в одном другом городе мира, вечность смешивалась с повседневной реальностью. Здесь царь Соломон построил великолепный храм, чтобы спрятать в нем величайшую ценность еврейского народа – каменные скрижали, написанные рукой самого Бога. По этим узким улочкам две тысячи лет назад ходил старик Иеремия, пророчествуя, словно в пустоту, и плача от бессилия, что его никто не слышит.

Именно сюда ангелы принесли на крыльях пророка Мухаммеда, который успел посетить все девять небес, пока падал со стола уроненный кувшин с водой.

Всё, что связано с историей разбросанного по огромному миру человечества, почему-то происходило именно здесь, в этом городе, окружённом красноватой каменистой пустыней и синим, как море, небом. И именно здесь люди распяли пришедшего к ним Господа.

Иерусалим, Иерусалим... Три мировые культуры, три религии соединил в себе великий город, раскинувшийся на освещённых солнцем холмах. Здесь тайна ревности, заложенная в самой человеческой природе. То, что являлось святыней для одних, было нечистым для других. Христиане превращали в конюшни мечети и синагоги, а мусульмане сжигали закрывшихся в церквях христиан.

Камнем преткновения для многих народов стоял и жил, разрушался и восставал из руин древний город. Каждый в нём видел только своё. Проходящий мимо минарета иудей морщился и ускорял шаг, заслышав сверху крик муэдзина. А в Верхнем городе, на потрескавшихся ступеньках каменной лестницы, спиной к разрушенному Храму Гроба Господня, жуя травинку, равнодушно сидел на солнцепёке старый араб, выставив возле своих ног лоток с инжиром и финиками. Он не понимал, как можно веками воевать за веру, – за то, что нельзя положить в карман.

В далекой Франции, ворочаясь во сне под писк и возню крыс в углу, маленький пастушок Стефан шёл сейчас по этому городу. Он видел затухшую дымкой сновидений древнюю триумфальную арку с тремя порталами, куда Пилат вывел к народу босого, исхлещанного плетью Господа и крикнул в толпу: «Се, Человек».

Сон мальчику снился необыкновенный, один из тех, которые запоминаешь на всю жизнь. Сохраненные в памяти рассказы пилигримов словно ожили. Он ясно видел голый, выжженный солнцем холм Голгофы, а под ним пещеру, видел внутри наскальный рисунок корабля со сломанной мачтой и странные слова на латыни: «Господь, мы поднимаемся», оставленные первыми христианскими паломниками. Ещё он видел крест и небо в чёрно-белом цвете.

Там, внутри сна, земная жизнь не казалась ему важной, он больше никого не боялся. Зато хотел свить бич из веревок и погнать из святых мест всех неверных – торговцев в чалмах, которые, посмеиваясь над верой христиан, продают паломникам пыль и песок, волоски и кусочки дерева, выдавая их за древние реликвии, издеваются над ними и крадут в рабство.

Земля трех заветов звала, манила его к себе. Так напишут летописцы. Некоторые из них, настроенные менее мистично, зато ищущие во всем заговоры, изначально свяжут имя мальчика с именем Папы Иннокентия. Но это неправда. Необыкновенный мальчик ворочался сейчас во сне на соломенной подстилке, укрытый овечьей шкурой, и никто, кроме родителей и жителей деревеньки Клуа, пока не знал о его существовании. Он сам ещё ничего не знал о своей судьбе.

Давно минувшая эпоха оставила для нас фреску Рафаэля. На ней изображено выцветшее от времени лицо Папы Иннокентия. Уже зная будущее, Папа мрачно смотрит куда-то вдаль, туда, откуда вскоре явится людям вихрастый одиннадцатилетний мальчишка с залатанной пастушьей сумкой на плече.

Позже люди зашифруют начавшиеся в мае 1212 года события в легенду о гамельнском крысолове, рассказывая, как он, играя на свирели, увел из городов всех детей, подразумевая под свирелью пастуший рожок Стефана.

Часть первая

Пророк

В мае, на праздник святого Дионисия, в городке Сен-Дени открывалась ежегодная ярмарка, самая большая и оживлённая во всей Франции.

За несколько дней до начала праздника все дороги, ведущие в город, заполнились бесконечными обозами с людьми и товарами.

Купцы везли на ярмарку сукно, парчу и бархат, связки кож и глиняную посуду, изготовленную руками подневольных ремесленников. На запряжённых волами повозках целыми семьями ехали загорелые крестьяне в некрашеной домотканой одежде. Они везли на ярмарку ячмень, чечевицу и горох, сушёную рыбу и мед, везли даже высушенный болотный аронник, который горожане клали в воду, чтобы она не протухала. Дети сидели на мешках с мукой. За повозками следовали бродячие трубадуры и мимы, готовые за мелкую медную монету тотчас на пыльной дороге дать короткое весёлое представление.

По обочинам толпами тянулись нищие.

Вся эта масса людей направлялась на рыночную площадь Сен-Дени.

В те времена все города Франции выглядели примерно одинаково, копируя в своей архитектуре представление о круге земли, в центре которого находился далёкий Иерусалим. На рыночной площади, куда вели все дороги, располагались церковь и городская ратуша. За пределами площади сплошной стеной стояли дома. Земля была очень дорогая, дома тесно лепились друг к другу, соприкасаясь черепичными крышами. Надстроенные мансарды образовывали выступы и нависали над мостовыми, делая улицы темными и мрачными. Солнечные лучи туда почти не попадали и не сушили грязь и вечные лужи.

Дальше от центра простирались купеческие и ремесленные кварталы. Там находились постоянные дворы, бойни, красильни и кожевенные мастерские. Ещё дальше, за городскими воротами, начинались улочки бедноты, с деревянными заборами и домами из ивняка, густо обмазанными глиной. Заходить туда человеку с деньгами в кошельке было нежелательно. Могли зарезать. За лачугами проституток стражники находили целые захоронения с телами новорожденных младенцев. В крайней нищете, как и в чрезмерном богатстве, трудно найти что-нибудь светлое.

В грязные переулочки бедноты лучше не ходить, а вот на храм Сен-Дени посмотреть стоило. Особенно тем, кто впервые попал на шумную ярмарку. Шедевр готического зодчества, будущая усыпальница французских королей, где каждый элемент архитектуры прятал в себе тайный теологический смысл, нависал над рыночной площадью серой каменной громадой. Серебристый крест на куполе устремлялся в далекое весеннее небо; на фоне белых бегущих облаков казалось, что купол постоянно падает вниз, прямо на толпу.

Собор стоял на месте древнего галло-римского кладбища, но об этом мало кто помнил. Время, как воды реки, огибало его массивные стены, изменяя лицо земли, но храм оставался всегда на своем месте, и каждое из поколений считало его своим.

Сразу после службы открылась ярмарка. Основные торги проходили на улочках за пределами площади. Там сплошными рядами стояли обозы, загруженные зерном и мешками с мукой. Купцы и их подручные с уверенностью опытных покупателей обходили телеги крестьян, но ничего не покупали. Каждый из них знал, что пройдут первые дни ярмарки и цены полетят вниз вместе с радужными надеждами продавцов. На самой рыночной площади торговали дорогими заморскими товарами. На прилавках яркими оранжевыми и жёлто-зелёными горками

лежали апельсины и лимоны из Малой Азии, терпко пах мускатный орех, срезанный вместе с увядшей листвой.

В те времена европейцы ещё не знали никаких сладостей, кроме ягод и мёда, поэтому возле смуглых перекупщиков из приморского Марсея, продающих арабскую золотистую рассыпчатую халву и шербет почти на вес серебра, постоянно толпились дети.

Один из богатых горожан, одетый в длинный разноцветный плащ с застежкой-фибулой на плече, с ленивой снисходительностью человека знающего цену всему на свете, купил у одного из торговцев диковинками сразу несколько красных гранатов и огромный кусок ореховой халвы. Он передал это богатство своей жене, молоденькой скромной девушке с румянцем на щеках. Чувствуя всеобщее внимание, девушка покраснела ещё больше, а знатный мужчина, наоборот, казалось, упивался возможностью получить за свои деньги ещё и зависть толпы, в полном молчании наблюдавшей сцену покупки.

Если праздничная церковная служба объединяла людей, делая их равными перед небом, то сразу с крыльца храма их ждал привычный мир, где барон остаётся бароном, а пастух пастухом, и им никогда не поменяться местами.

Только в крестовых походах, на войне во имя Бога, происхождение почти не имело значения. Главными оставались личные качества человека. Известно немало случаев, когда тот, кто дома опускал глаза и целовал руку хозяина, в Палестине становился влиятелен и богат, а какой-нибудь знатный дворянин со звонким именем опускался до уровня нищих и, забыв о чести предков, как собака ловил брошенный ему с лошади кусок хлеба.

После полудня, когда тёплое майское солнце, удлиняя тени, перешло на запад, народ начал стекаться к тавернам. Бедные покупали себе за мелкую монету миску горячей лапши из полбы, рубленых в салате скворцов и праздничные пироги с запечёнными ласточками. Жареная свинина стоила дорого, ее могли позволить себе только состоятельные горожане или те, кто продал свой товар перекупщикам и, почувствовав деньги в кошельке, на день поверил в призрачное изменение своей судьбы.

Народ густел возле бочек с вином, там часто мелькали коричневые сутаны и лысины монахов.

Перед одной из таверн пекарь выставил на улицу на лотке круглые пышные пшеничные пироги. Золотясь корочкой, пироги источали аромат только что вынутого из печи горячего хлеба. В двух шагах от выставленной выпечки неподвижно стояла худощавая девочка лет двенадцати, одетая в выцветшие лохмотья, с покрытыми грязью босыми ногами. Кожа на ее лице была сероватого цвета, без всякого румянца. Глаза чёрные, блестящие. Рядом, держа её за руку, стоял мальчик лет семи в таких же лохмотьях. Глядя на них, сразу можно было понять, что это брат и сестра.

Дети во все глаза уставились на пироги, не замечая, что их толкают со всех сторон проходящие мимо люди.

– Нет монеты – проходите мимо. Давайте, проваливайте отсюда. Всех покупателей мне распугаете, побирушки! – прикрикнул на них краснощёкий пекарь.

Но отойти было не так-то легко. Запах хлеба не отпускал. Так и представлялось, как хрустит на зубах зарумяненная корочка. Дети были голодны, от одного вида пирогов во рту непрерывно выделялась слюна. У сестры и брата был выбор: или отойти в сторону, продолжая издали насыщаться глазами, или как-то отвлечь пекаря, схватить верхний пирог и бежать без оглядки, стараясь затеряться в толпе.

Но украсть хлеб девочке не представлялось возможным. Воров на ярмарке били нещадно, несмотря на возраст. Как и все нищие, дети рассчитывали на чужое милосердие, на разовую подачку, на которую способны даже самые равнодушные горожане. Но нищих на ярмарке было слишком много. Калеки, сироты, убогие, монахи с глубокими медными круж-

ками – все звали к совести, все утверждали, что только добро и есть смысл пребывания человека на земле, но сами при этом друг с другом не делились.

Какая-то женщина в длинном, шнурованном по талии платье с закрытым воротом остановилась возле лотка с пшеничной выпечкой, внимательно посмотрела на стоящих неподалеку детей, о чём-то подумала и, купив один из хлебов, с улыбкой протянула его девочке в лохмотьях. Это тоже была разовая доброта, но она пришла как раз вовремя и поэтому походила на чудо.

– Спасибо, – тихо поблагодарила девочка, и на её щеках проступил румянец.

Странно все-таки устроена наша память, – подобные разовые милости оставляют в ней светлый след, но если добро постоянно, оно воспринимается как обязанность, и благодарности от него не жди.

Разломив подаренный незнакомой женщиной каравай на две части, причем мальчику достался наиболее румяный кусок, девочка с братом пошли по рядам дальше смотреть на диковинные товары и на потоки людей.

* * *

Девочку звали Мария-Луиза, её младшего брата – Патрик. Говорили, что Мария очень походила на мать, и девочка тоже так считала, хотя видела своё лицо лишь в отражении воды. Они жили в лачуге на окраине Сен-Дени, в том самом районе бедноты за сточной канавой.

В самом конце улочки, возле заброшенного сада с дикими яблонями, стоит хижина с почерневшей соломой на крыше. Вокруг – плетёный из веток забор. В самой хижине полумрак, солнце светит только в щель над дверью и в маленькую отдушину под крышей. Стены обмазаны глиной. По центру комнаты длинный стол и лавка из обструганных досок. Открытый очаг из камней. Общая постель в углу – несколько потёртых овечьих шкур и набитый сухой травой тюфяк.

Ровно семь лет назад, серым дождливым днём, когда капли дождя пузырились в луже прямо возле входа в хижину, мама Марии, молодая светловолосая женщина с несчастными глазами и выпирающим животом, принесла со двора охапку дров, вдруг побелела и схватилась рукой за край стола. Дрова посыпались на пол. На подоле домотканого платья расплывалось и ширилось мокрое пятно. Лицо женщины приняло страдальческое выражение, на лбу проступили мелкие капельки пота. Неимоверная тяжесть перемещалась в низ живота.

По хижине плыл дым от разгорающегося очага. Взгляд непроизвольно упал на белеющую в углу дешёвую гипсовую фигурку Богородицы.

– Муж мой... – простонала женщина, словно надеясь, что звук её слабого голоса проникнет сквозь щель над дверью, пересечёт пространство двора, пройдёт по улице и сквозь монотонный шелест дождя достигнет городского кладбища, где в просевшей могиле уже два месяца лежал ее молодой муж.

Память раннего детства спрятана где-то в глубине, она как бы теряется в тёмной воде, но некоторые моменты запоминаются с необыкновенной яркостью. Этот дождливый день запомнился пятилетней Марии до самых незначительных мелочей, вплоть до каждой пережитой эмоции.

– Нагрей воды, – почти шёпотом, сдерживая стоны, чтобы не пугать дочь, цепляясь за край стола, попросила мама. Пока шли схватки, девочка кое-как притащила из колодца полведра воды, вылила её в закопченный котёл над очагом и замерла там, блестя испуганными глазами.

– Да не смотри ты на меня. Отвернись, – просила мама, и пятилетняя Мария послушно отвернулась к стене, вздрагивая от ее стонов. Схватки длились долго. Некого было позвать, нечем заплатить повитухе. Женщина зажмуривалась, до неузнаваемости искажая блестящее от

пота лицо, затем её глаза широко раскрывались, она хватала ртом воздух и начинала стонать так глухо и мучительно, что лучше бы кричала. Монотонно шуршал по соломенной крыше дождь. Вода попадала в дом, собираясь в лужицы на земляном полу. Навсегда отложилось в памяти дикое желание, чтобы всё это закончилось как можно скорее.

Когда вода закипела, Мария, спеша, расплескивая, обжигаясь, потащила к тюфяку тяжелый котел. А затем ей стало дурно, к горлу подступил комок тошноты, и она спешно выбежала на воздух.

В их лачуге рождался человек. Пронзительным воспоминанием остались холодные капли дождя, стекающие по щекам и подбородку. Во дворе грязь и пузыри на лужах. Небо затянуто серой пеленой. Сколько она простояла во дворе, девочка не помнила. А через какое-то время услышала, как за дверью что-то шлёпнуло, как ладошкой по телу, и в хижине прорезался новый голос, звонкий, пронзительный, с какими-то квакающими интонациями.

– Брат у тебя, – донесся слабый голос матери.

Запомнились глаза мамы, уже не кричащие, а огромные, наполненные какой-то внутренней гордостью, понятной только матерям. Она держала в руках нечто маленькое, сморщенное, багровое с фиолетовым оттенком, покрытое слизью. Марии запомнилось первое прикосновение к брату: страх, что она его уронит, какое-то непонятное ощущение единой крови, текущей по разным сосудам. Накормленный, спящий, крохотный, сморщенный старичок с пушком на голове.

Девочка осторожно прижала брата к себе. Мама, лежа на тюфяке, говорила: «Хватит, давай его мне», но Мария не хотела отдавать, с безмерным любопытством рассматривая багровое сморщенное личико, крохотные ноздри, реснички, припухшие веки.

Старичок во сне кряхтел, зевал, широко открывая беззубый рот. Ему явно что-то снилось. Он то улыбался, то морщился, словно собирался заплакать, и для Марии это было загадкой: что может сниться человеку, только родившемуся на свет? К вечеру мама привязала к балке заранее сделанную деревянную люльку. В хижине было уже темно, светились красным дотлевающие угли в очаге, а любопытная Мария всё не отходила от колыбели, испытывая какое-то щемящее чувство нежности, которое останется у неё к брату навсегда.

Мама, где ты? Невысокая светловолосая женщина с несчастными глазами. Мама много рассказывала о своей родине, о какой-то деревушке на севере, где и люди добрее, и вода в родниках чище, и солнечного света больше, и хлеб вкуснее, и даже луна в небе чётче и красивее. Отец привёз маму в городок Сен-Дени незадолго до рождения Марии. Уже потом, когда девочка подросла, она поняла, что местные не приняли её мать; обсуждали так, что у той постоянно пылали уши, и при каждом удобном случае показывали молодой женщине, что она здесь чужая.

Облик отца, умершего за два месяца до рождения Патрика, в памяти девочки не сохранился. Какая-то туманная фигура с размытым пятном вместо лица. Мама говорила, что он был самым лучшим, самым добрым человеком на свете, и ещё она всё время повторяла, что отец и сейчас жив, просто он ушёл на небо и ждёт их там, в новом доме.

Маленькая Мария после таких рассказов часами сидела во дворе и, задрав голову, смотрела на небо, надеясь увидеть там дома из облаков, где умершие ждут своих близких.

После смерти отца и рождения Патрика бедность их семьи дошла до крайней нищеты. Молодая женщина билась с жизнью в кровь, бралась за любую подённую работу: стирала бельё, обдирала в лесу орешник, работала на монастырских полях. Молоко пропало, кормить младенца было нечем, крохотный Патрик сосал пустую грудь, плакал, злился. Нанять кормилицу было не за что. Тогда она варила на козьем молоке полбу, заворачивала кашу в тряпочку и давала сыну.

Когда пришла зима и снег покрыл первозданной белизной поля, подённой работы вообще не стало. Двери соседских домов были перед вдовой закрыты. Дети плакали, просили есть. Молодая женщина рубила на дрова забор, тайком искала на чужих огородах неубранную под снегом замерзшую брюкву. А затем она сдалась. Что-то с ней произошло. Она могла целый день не вставать с постели, отвернувшись лицом к стене и неподвижно глядя в какую-то точку.

Память запечатлела картину. Патрик – в подвешенной деревянной люльке, в очаге догорают сучья, мама лежит в углу на тюфяке, спиной к детям, на ней старенькое платье из домо-тканой серой ткани. Платка нет, коса распущена, в полумраке виден лишь её неподвижный силуэт. Мария прижимается к ней, прячет лицо в ложбинку между плечом и затылком, и лишь по дыханию, по мокрой щеке понимает, что мама не спит, а плачет.

И Мария плакала вместе с ней, не потому, что понимала, что происходит, а потому, что мама плакала.

Как-то белым туманным утром женщина пошла по снегу к городскому собору. Села на ступенях, опустил глаза и протянул руку. Со стен огромного собора смотрели на женщину пустыми глазницами высеченные из камня херувимы, которые ждали её в раю, обещали вечное счастье. Но вот что странно, – за всю историю человечества не появилось на земле ни одной книги с описанием рая. Нет у нас в сознании доступных образов рая. Зато описаний ада сколько хочешь. Молодой женщине не дали посидеть на ступенях и несколько минут. Её прогнали от храма местные нищие, и она, сутулясь, пошла по заметённым снегом улицам обратно к детям с пустыми руками.

Тогда же Мария заметила, что мама начала заговариваться.

– Видишь, сынок, что у нас есть, – говорила молодая женщина, беря Патрика на руки. – Смотри, какой кувшин. А вон какая лавка. Мы с вами богатые, тебе повезло родиться здесь, у нас все есть, не то что у других.

В её туманных фантазиях, порождённых ускользающей реальностью, их нищий дом превращался чуть ли не в сказочный дворец, в погребах несуществующей кухни было сколько хочешь еды, столы накрыты, а покрытый снегом огород становился прекрасным садом.

Как-то под вечер Мария увидела, что мама сидит на полу и, не замечая ничего вокруг, играет с ее тряпичной куклой.

А затем молодая женщина ушла, просто исчезла, пока дети спали, накрытые старыми овечьими шкурами.

Кто-то говорил, что она ушла подальше в лес, – наложить на себя руки, кто-то говорил, что видел её на ярмарке в Орлеане вместе с солдатами герцога Анжуйского, – она ехала в их обозе, пьяная, смеющаяся, с неприкрытой головой и растрёпанными волосами. Разное говорили. Два дня просидела в пустом доме пятилетняя Мария, качая на руках заходящегося в крике Патрика, не отрывая глаз от входной двери. А на третий встала и пошла искать дрова, еду и маму.

Детская память яркая, свежая, не загружена хламом ненужных воспоминаний, как у взрослых.

Мария до мельчайших подробностей помнила, как бродила по покрытым снегом и лужами улицам, не зная, куда ей идти. Дошла до самой окраины городка, до дороги, ведущей на Орлеан: почему-то ей казалось, что мама ушла по ней. Долго стояла там, на обочине. Мимо неё по грязи проезжали телеги, изредка брели какие-то люди, а девочке все казалось, что вот-вот, через минуту, она увидит светловолосую женщину, идущую обратно.

Они с братом как-то выжили. Помог местный кюре, падре Николас. На следующий день в их лачуге горел очаг, отсвечивая на замазанных глиной стенах красными и черными тенями. Накормленный козым молоком, Патрик сосал завернутый в тряпочку жёлтый кусочек меда, а Мария носила его на руках по комнате и клялась себе, что никогда его не бросит. С тех пор она заменила брату мать.

Но каждый день, каждую минуту она продолжала ждать маму, черпая в этом ожидании силы для следующего дня.

– Всё маму ждешь? – весело и безжалостно издевались над Марией мальчишки с их улицы. – А она никогда не вернется! Давно сдохла твоя мама! Висит где-нибудь в лесу на осине, одни кости остались. Или в омуте.

– Не, – подхватывали другие. – Люди говорят, что она пьяница, с солдатами живёт. Таскают её по шатрам. Бросила она вас и думать забыла. Ты даже матери своей не нужна, уродина, дочь шлюхи.

Большинство мальчишек не были злыми, но дети часто живут подражанием. Каждый, словно соревнуясь в жестокости, старался крикнуть ей что-нибудь самое обидное, чтобы она заплакала. При таких высказываниях маленькая Мария сжималась, как камень, и смотрела на небо, туда, где её жалели. С самых ранних лет девочка, а затем и её брат поняли одно: жизнь безжалостна, мир лжив, здесь много говорят о добре, но добры только к себе, находки здесь призрачны, а потери навсегда, и временная радость приходит лишь для того, чтобы острее почувствовать новую боль.

Был ещё Господь на небе, который их любил, но Его образ, как и туманный образ мамы, пока оставался лишь неким понятием, ничем не проявляющим себя во внешнем мире. Наслушавшись странных проповедей падре Николаса, маленький Патрик утверждал, что это оттого, что люди Его убили, когда Он появился среди них.

Патрик не разделял терпеливого ожидания сестры, ему надоели рассказы, что мама вернется. Он не помнил светловолосую женщину, для него мамой была сама Мария. Поэтому ходил за ней хвостиком и радовался тому, что дарила ему судьба в настоящем. А девочка продолжала ждать. Она ждала маму любой – пьяной, пропащей, неважно какой. Лишь бы вернулась. Она ждала её всегда: когда просыпалась, штопала Патрику рубаху, искала еду и даже когда спала. Ждала, что мама вернется и порадует, что дочь сумела сохранить себя, брата и очаг.

Так они и прожили более шести лет до знаменитой майской ярмарки в честь святого Дионисия.

Будущее сокрыто от нас, людей. Уже потом, когда всё происходит, когда события падают одно на другое, как выстроенные в определенном порядке костяшки домино, нам кажется, что мы изначально предчувствовали нечто такое, вспоминая случайно сказанные слова или обрывки снов. Но это задним умом. Мы стоим перед будущим с повязкой на глазах и ничего не знаем о том, что будет дальше. Во всяком случае, ни Мария, ни ее шестилетний брат Патрик не почувствовали тихий зов судьбы, когда в этот солнечный майский день услышали на ярмарке незнакомое имя «Стефан».

Слухи о каком-то необычном мальчике по имени Стефан запрыгали по тавернам и торговым рядам, разом вытеснив все остальные новости, стекающиеся на рыночную площадь, вытеснив даже слухи о колдунье из Лиля, которая по ночам превращалась в летучую мышь, чтобы пить кровь из своего спящего мужа.

Это потом, Мария придумала себе, что она сразу возненавидела это имя, как только услышала его впервые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.